

2017 г.

Михаил Ходяков

Она всегда возвращалась

Михаил Ходяков

Она всегда возвращалась

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ходяков М. В.

Она всегда возвращалась / М. В. Ходяков — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Автор не стесняется использовать табуированную лексику, и показывает жизнь людей такой, какая она на самом деле, от жестоких трагедий, до плотских утех, а главные герои романа, не оставят равнодушными никого. "Она всегда возвращалась" - не тот роман, который привыкли читать девушки и их мамы, здесь не будет принца и самой красивой в мире служанки, а единственным победителем останется реальность. Первое произведение, снискавшее одобрение в кругу автора, наконец, выходит в большой мир. Содержит нецензурную брань.

© Ходяков М. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Предисловие.

Она всегда возвращалась, после всех моих ужасных слов, оскорблений и прочего дерьма лившегося из меня в ее сторону, она всегда возвращалась, через сутки, неделю, месяц... Должно быть она безумно любила меня, настолько сильно, что прощала мне все, настолько сильно, что не могла злиться на меня чересчур долго, настолько сильно, что всегда была рядом. Я – человек, неспособный понять ценности тех чувств, которые она испытывала ко мне, пользовался ею, кричал на нее, ругал, оскорблял, конечно, я никогда не трогал ее, но мои слова всегда приносили ей, куда большую боль, чем могли принести побои. Я не ценил ее, не ценил, пожалуй, единственную женщину в своей жизни, которая всем сердцем любила меня таким, какой я есть. А я в это время разбивал ее хрупкое, девичье сердце, ведь я знал, что она вернется, она всегда возвращалась, и это продолжалось много лет, день за днем, постоянно... До тех пор, пока в одну из ночей она ушла и не вернулась...

Глава 1.

Все началось... верней все пошло по наклонной после той аварии. Я был жутко пьян в тот день, впрочем, как и в любой другой день. Почти каждый вечер я ссорился с Джесси, это было обыденным делом; наорать, обидеть, и расстроить ее перед сном настолько, что она сидела на кухне и плакала почти до самого утра, пока тот, кому принадлежало ее сердце, либо мирно спал в кровати, храпя и ругаясь на всю хату, либо сидел над унитазом, пока его желудок испражнял то, что он успел выхлебать за день. Этот вечер не был исключением и я, надравшись, начал орать на Джесси.

–Я буду делать то, что я захочу! А ты будешь делать то, что скажу я! Почему? Потому что это мой дом, мой дом!! – разносились на всю кухню мои крики.

–Твою мать, заткнись уже и сходи в душ, весь дом провонял твоей блевотиной – не уни-малась Джесси.

–НЕ СМЕЙ ТРОГАТЬ МОЮ МАТЬ! Это мой дом, мой! И он будет вонять так...

–Как воняет его хозяин!

–Что ты сказала?

–Что слышал! – отрыпнулась Джесси.

Наша ругань продолжалась еще часа два. Ближе к полуночи Джесси, как обычно устала ругаться со мной и, сев за дальний от меня край стола, еле слышно плакать.

–Хватит ныть!... Прошу тебя, хватит ныть – попытался я успокоить ее.

Я не любил, когда она плакала, я был мерзким человеком с еще более мерзким сердцем, но оно у меня было. Пускай не то, которым дорожит каждый человек, и не то, которое как компас направляет человека, у меня было свое сердце, маленькое, скукоженное, умирающее.

Я подошел к ней и встал на колени. Она продолжала всхлипывать, сторбившись над столом, ее светлые, длинные волосы, свисая с головы, закрывали большую часть лица и медленно покачивались из стороны в сторону, в такт ее всхлипам. Медленно положив одну руку к ней на колено, второй я отодвинул волосы с лица Джесси и убрал их ей за плечи. Она подняла свою голову и посмотрела на меня, я никогда не мог долго выдерживать ее взгляда на себе. Ее серые глаза, будто смотрели мне внутрь, в такую же серую душу.

–Прости меня, прости... – только начал я извиняться, как она снова опустила свою голову и начала ныть.

–Ну и сиди здесь одна, сиди и ной, мне осточертели твои сопли, терпеть их не могу! – взорвался я, схватил свою куртку и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу.

Дул сильный осенний ветер, поднимавший в воздух гору опалой листвы, пыли и мусора. Я подошел к своему старому ржавому форду и начал искать ключи, спустя несколько минут напряженных поисков по всем моим многочисленным карманам, я вспомнил, что они у меня в

руке. «Чертов осел, иди проспись»— должен был сказать я самому себе, но вместо этого, сел за руль, и поехал. Проехав несколько улиц, я остановился у винного магазина, купил себе бутылку дешевого коньяка и поехал дальше в сторону шоссе. Когда я выруливал на шоссе, оставалось всего пару глотков на дне бутылки. Об лобовое стекло с грохотом разбивались дождевые капли, этот звук бесил меня, я допил бутылку и, бросив ее на заднее сиденье, где валялся уже не один десяток, оставленных там после очередной ссоры с Джесси, таких же бутылок. Помню, как включил свою любимую группу, увеличил громкость настолько, насколько это было возможно в моей развалюхе, и просто ехал. Поездки всегда меня успокаивали, в них было что-то такое, что помогало мне успокоиться и расслабиться после ссор так, как алкоголь уже не мог помочь. Прослушав добрую половину альбома, я решил развернуться и поехать обратно домой. Шоссе было пустое, не было видно ни одной машины. Я начал затормаживать, чтобы сделать маневр и поехать в обратную сторону, осмотревшись еще раз, я стал поворачивать руль, медленно переезжая через двойную сплошную полосу. В момент, когда я находился ровно по середине обеих полос, мой форд заглох, я дернул ключ пару раз, потом еще несколько и еще... машина никак не реагировала на мои попытки оживить ее.

«Придется выходить под дождь» раздался голос в голове, я потянул ручку, и в запотевшее стекло увидел, стремительно приближающийся, ослепляющий свет, потом я почувствовал резкий толчок, отлетел назад, ударившись головой и разбив ею боковое стекло. Последнее что я помню, это как кто-то выволакивал меня из машины, мой горящий форд и кровавый след, тянущийся от него.

Глава 2.

«Вот дерьмо! Нет, ну что за дерьмо?» – орал я, лежа на больничной койке. В этой гребанной палате, с отваливавшейся краской на всех стенах, освещаемой лишь маленькой лампой в верхнем углу и грязным, треснувшим окном, с видом на какой-то лес, я был совершенно один. Я не знал, что это за место, ни разу не видел этот лес и уж тем более не видел такое старое здание у нас в городе, должно быть я далеко уехал той ночью, ведь обычно всех больных в радиусе 40 км от нашего города везли в больницу, находившуюся всего лишь в паре кварталов от моего с Джесси дома.

– Джесси... – протянул я, – Дерьмо!

Я лежал и думал, о том, что мог подохнуть на этом чертовом шоссе, и мои последние слова, обращенные к Джесси....

– Больше ни капли! Больше не пью! – заявил я сам себе, но спустя пару минут передумал и добавил – Больше я не пью за рулем!!

Отказаться от выпивки для меня было непосильной ношей, но не садиться пьяным за руль, было вполне выполнимой задачей. Я решил подойти к окну и осмотреться. В тот момент идея показалась мне хорошей, (должен же я знать, где нахожусь) медленно и очень аккуратно я приподнялся и попытался сесть, но тут же понял, что идея была полным дерьмом. При движении у меня ломило все тело, ноги наливались свинцом, в голове начинало звенеть, становилось трудно дышать и тут же хотелось проблеваться, поэтому я оставил идею подняться до лучших времен.

Не знаю, сколько я провалялся на этой койке, но, в конце концов вид из окна, потолок, и стены мне надоели, и я отключился. Проспав, как мне показалось, не больше 20 минут, я проснулся из-за того, что кто-то дергал меня за плечо, сначала меня легонько толкнули, но я не хотел просыпаться, мне было слишком плохо, и я чувствовал себя чересчур уставшим, но спустя какое-то время меня буквально начали трясти и дергать за плечо, приподнимая с кровати, тем самым причиняя мне сильнейшую боль во всем теле. Я не смог более игнорировать это

– Что за херня? – возмутился я, открывая глаза, – Мне плохо, неужели не... Джесси!!!

Надо мной стояла моя Джесси, единственный человек, которого я был рад видеть сейчас. Она казалась мне удивительной красивой в этот момент, нет, она была красивой, была красивой всегда, просто я всегда забивал на это. На ней была зеленовато-серая блузка в тон ее глазам, черная юбка чуть выше колена, и высокие кожаные сапоги.

– Ты очень красивая. – промямлил я.

Джесси наклонилась, прижалась ко мне и поцеловала в губы, мне было больно даже целовать ее, но я терпел, она стояла того, чтобы терпеть боль ради нее.

– Как ты? – спросила она, едва оторвавшись от моих губ, – Что случилось? – не переставала спрашивать Джесси, не давая мне возможности ответить ни на один из ее вопросов.

– Живой, – удалось вставить мне свое слово, – какой-то придурак врезался в меня на шоссе.

Джесси сидела, готовая расплакаться в любой момент, и просила, чтобы я рассказал ей все, что случилось после того как я вышел из дома. Мне было жаль ее, я не хотел, чтобы она снова плакала, но я рассказал ей все в подробностях, по крайней мере, то, что помнил. Она заплакала. Я не любил, когда она плакала, меня это раздражало, но сейчас мне было лишь стыдно за то, что она снова плачет из-за меня, Джесси плакала только из-за меня, в ее слезах всегда виноват был лишь один человек. И сейчас все это происходит снова по моей вине. Я должен был что-то сказать ей, но я не был мастер слова, я никогда не писал письма, с друзьями обменивался лишь короткими фразами, а сейчас я должен был сказать действительно что-то стоящее.

– Джесси, послушай, – она продолжала плакать, закрыв свое милое личико руками, – прости меня, я вечно заставляю тебя плакать, вечно причиняю тебе боль, и я не понимаю, почему ты все еще здесь, со мной, но мне действительно стыдно за все мои действия, слова и

поступки, я никогда не хотел делать тебе больно, никогда не хотел обижать тебя. Единственное о чем я думал, когда лежал там, в загорающейся машине, это то, что мои последние слова, обращенные к тебе, Джесси, заставили тебя плакать, прости меня! – выпалил я на одном дыхании и почувствовал что мои глаза тоже увлажнились, но я не плакал, плакала только Джесси, через пару секунд она подняла голову, и я увидел что она улыбалась, по щекам у нее так и текли слезы, но в глазах была радость, а на лице улыбка, настоящая улыбка, я не мог вспомнить, когда она улыбалась в последний раз, с улыбкой на лице она нравилась мне куда больше, чем расстроенной и заплаканной.

– Вот, тот человек, в которого я влюбилась – с улыбкой сказала Джесси.

Я взял ее руку, в тот момент мы с ней были счастливы, она была рада, что я жив, а я был рад тому, что, хотя бы раз за последнее время смог заставить ее улыбаться.

Глава 3.

Я рассчитывал пробыть в больнице пару дней и уехать домой, но доктор, навещавший меня каждые 2-3 часа, разрушил все мои надежды на скорое возвращение. Перечислив все мои повреждения, в число которых входило сотрясение, пара сломанных ребер, трещина в голени и несколько неглубоких ран по всему телу. Я лежал и думал, радоваться тому, что я жив, или проклинать все, за мое "необыкновенное везение", второе, казалось мне куда более приятной идеей. Джесси навещала меня раз в два дня, каждый раз, слыша, как она заходит ко мне в палату, у меня на лице появлялась какая-то дибильная улыбка. Я был рад видеть ее каждый раз, за все то время, что я провел здесь, мы не поссорились и не поругались ни разу, видимо я слишком наслаждался ее присутствием, чтобы находить повод начинать ссоры и ругаться. Честно говоря, в какой-то момент я понял, что мне даже нравится лежать здесь, в этой гребанной палате. Мне нравилось, что Джесси приходила и заботилась обо мне, нравилось жить с ней без ссор, нравилось жить с ней так, как будто мы с ней счастливая пара, по выходным она даже приносила мне выпить. В том, что я попал в аварию, было так много положительных вещей сводившихся в основном к тому, что я стал меньше пить, а отношения с Джесси достигли своей максимальной, позитивной точки.

Это была четвертая или пятая суббота, которую я проводил вместе с Джесси в палате, пожалуй, если бы сейчас у меня спросили, куда я бы хотел вернуться, или какой момент своей жизни я бы хотел пережить еще раз, то я, безусловно, выбрал бы это место и это время. Джесси,

как обычно, пришла в районе шести часов и, поскольку сегодня была суббота, должна была захватить с собой выпивки для меня.

–Ты принесла виски? – наигранно спросил я, как только открылась дверь.

–Нет, – сухо ответила Джесси, снимая с себя шарф и перчатки, – У меня есть кое-что получше, тебе должно понравится.

Я приподнялся и, испытав мучительную боль в груди, уселся на краю койки. Джесси достала бутылку вина и подошла ко мне, "Вино " – подумал я, "Мне нужно бутылки три, чтобы расслабиться и унять боль хоть немного, почему она вообще решила принести..." – мой мозг не успел сформулировать свое недовольство, потому что Джесси подошла ко мне и, сбросив на пол пальто, уселась мне на колени. Под пальто не было ничего, она была полностью голой. Последние пять недель я был счастлив видеть ее каждый раз, но сегодня особенно, ведь она была здесь, со мной, а не с каким-нибудь обкуренным гавнюком с соседней улицы. Не думаю, что я был готов к активным физическим нагрузкам, мои ребра все еще болели при каждом движении, но сейчас мне было абсолютно наплевать на это, я хотел Джесси, хотел быть внутри нее, хотел владеть ею так, чтобы ей не хотелось уже никого кроме меня. Я обхватил ее за талию, крепко прижал к себе и начал целовать, мы увалились на мою койку, я продолжал целовать ее еще какое-то время, медленно спускаясь все ниже и ниже, под ее стоны и вздохи. Я давно хотел показать ей насколько сильно любил ее, несмотря на все мои выходки, и сейчас я во всей красе объяснял ей, "как" я восхищаюсь ею. По ее тяжелым, быстрым вздохам, и рукам, впившимися мне в волосы, я понял, что до нее дошло. Все испытываемые мною чувства дошли до нее. Хах! В тот вечер я объяснил ей все без лишних слов. Спустя несколько минут, она подняла меня вверх, встала вместе со мной и толкнула меня, я с грохотом повалился на жесткую, медицинскую кровать, что-то хрустнуло, я надеялся, что это было не мое ребро. Она залезла на меня и, медленно опустившись, начала двигаться. Ее волосы раскачивались в такт ее мелодичных, плавных движений, не останавливаясь, она положила мои руки себе на грудь, и начала целовать меня. Обхватив ее руками, я перевернул ее под себя, теперь вся инициатива была за мной. Я начал медленно входить и выходить из нее, постепенно ускоряясь, с каждым движением она вздыхала все громче и громче, пока, наконец, ее вздохи не превратились в стоны. Такие приятные звуки... она испытывала огромное наслаждение, конечно, ведь обычно я либо не мог сконцентрироваться из-за выпитого алкоголя, либо моей концентрации хватало секунд на 30, после чего я заканчивал и отрубался. Мне тоже было приятно, по крайней мере, сначала, но редкая, колющая боль в груди, начинала превращаться в постоянную, режущую боль, буквально разрывающую мою грудную клетку на несколько частей. Я ускорился еще немного, настолько, насколько мне позволяло мое состояние, Джесси уже не сдерживалась и стонала, должно быть на добрую половину этажа, спустя еще несколько минут, я закончил и, обессиленный, улегся рядом с ней. Джесси повернулась ко мне лицом, поцеловала и, обняв, начала засыпать. Я укрыл ее своим одеялом, смотрел на нее и гладил ее длинные, светлые волосы.

Глава 4.

Спустя три недели меня выписали по моей просьбе, вежливо попросив подписать с десятков документов, в основном о том, что я не буду предъявлять никаких претензий больнице в случае обострений, и тому подобной хрени. Джесси помогала мне собираться, я испытывал смешанные чувства, с одной стороны я был рад наконец-то свалить отсюда, с другой же, столько всего приятного произошло здесь, и я так привык к этому, что боялся возвращаться в реальную жизнь, вдруг снова все будет так, как было раньше. Но это были проблемы "будущего меня", "сегодняшний я" просто съезжал с этого чертова места и возвращался в свой дом. Я собрался минут за 10, собственно говоря, собирать было нечего, когда я ехал по шоссе, у меня не было ничего, кроме одежды, в которой я был и кошелек с несколькими купюрами.

Мы спустились на первый этаж, это заняло куда больше времени, чем мои сборы, я думаю, что сам в жизни не спустился бы, но мне помогала Джесси и медбрат. Я был похож на противную, старую черепаху, медленно переваливавшуюся с одной лапы на другую. Не знаю сколько мы потратили времени на эти многочисленные пролеты, но я изрядно пропотел, пока добрался до выхода. Я заполз в ее небольшую машину и завалился на задние сиденья. Мы поехали домой. Меня жутко трясло и кидало по всему салону на каждой гребанной яме и кочке. "Сука, они каждый год собирают налоги на ремонт этого долбанного шоссе, так какого черта я должен трястись как какой-то кусок дерьма?" – думал я, время от времени подпрыгивая и кривясь от боли, на очередной яме. Через несколько миль дорога стала терпимой, и я засмотревшись на синеватое небо с медленно плывущими по нему серыми, грозowymi тучами уснул.

Проснулся я уже, когда Джесси парковалась у нашего крыльца. Она вылезла из машины, помогла выбраться мне, и мы пошли, рука об руку, в наш дом. За тот период пока я был в больнице, в доме многое изменилось, начиная с того, что он был куда чище, чем я его помнил (Джесси выкинула весь мой мусор, огромное количество пустых бутылок, пачек от сигарет, старых газет и прочего дерьма), и заканчивая тем, что Джесси полностью переставила всю мебель в моем доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.